

Червяк Даниил Андреевич,
Студент, ГПА КФУ им. Вернадского в г. Ялта

ГУМАНИСТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Аннотация. Важно понимать, что образование это комплекс процессов воспитания и обучения, где нарушение како-либо части данного процесса может привести к трагическим последствиям.

Ключевые слова: Педагогика, образование, история педагогики XX века.

XX век показал феноменальную дисгармонию между уровнем образовательного развития общества и его нравственными ценностями. Высокообразованные нации (Германия до 1933 года, Япония в 1930-х годах и др.) погрузились в крайние идеологии. Гуманистическое образование подразумевает воспитание личности, уважающей человеческое достоинство и способной к самостоятельному критическому суждению. Однако опыт истории свидетельствует, что одних знаний и культурного капитала недостаточно для предотвращения экстремизма. Не менее важно то, какие ценности транслирует школа и через какие педагогические методы формируется личность.

Гуманистическое образование традиционно ставит в центр личность ученика, его внутренний мир и духовные потребности. В отличие от утилитарных или авторитарных моделей, оно ориентировано не на механическое усвоение фактов, а на развитие целостной личности, способной к нравственному выбору и созиданию. По словам современных исследователей, «гуманистическое образование рассматривается как образование, достойное свободного человека». Это означает, что воспитание направлено на раскрытие «человеческих» (humanitas) качеств – доброты, честности, сопереживания – наряду с умением мыслить критически. Ханна Арендт (Германия–США). Философ-политолог, в своих трудах о тоталитаризме предложила идею «банальности зла» – то есть обычности людей, совершающих чудовищные преступления. На процессе над нацистским офицером Адольфом Эйхманом она отметила, что зачастую человек превращается в исполнителя приказов, перекладывая ответственность, переставая мыслить. Арендт, хотя не педагог в обычном смысле, подвигла педагогическую мысль к вопросу: как воспитать личность, способную самостоятельно отличать добро от зла, не следовать за толпой?

Итак, гуманистические концепции образования разных эпох сходятся в том, что обучение без воспитания недостаточно. Образованный человек не обязательно гуманен, если его не сопровождает развитие эмпатии, ценностей и критического отношения к информации. Об этом писал, например, А.Ушинский: «Человека нельзя воспитать без уважения к самому воспитаннику». Важно подчеркнуть: термины «гуманистическое» и «гуманитарное» не тождественны. Последнее относится к изучению литературы и истории, а первое – к содержанию образования как заботе о человеке.

В начале XX века Германия имела одну из самых развитых систем образования: высокообразованный средний класс, престижные университеты, система гимназий, выпестовавшая множество учёных. К 1930-м годам грамотность была практически 100%, а немецкие дети могли изучать латинский, греческий, математику и музыку с младых лет. Традиционная немецкая школа отдаёт огромную роль дисциплине, точности и изучению «классических гуманитарных предметов». Она ориентирована на культ личности, с националистическим акцентом (после унижений в Первой мировой войне усилено чувство национальной миссии). Учитель здесь – фигура строгая, часто авторитарная.

В Веймарской Республике система образования была формально демократической: школа стала доступна разным слоям, однако сохранялись классовые различия, а дух эпохи был омрачён политической борьбой. Отдельного внимания заслуживает то, что уже в эпоху Веймарской республики нацисты вели активную просветительскую работу: появлялись партийные кружки среди школьников. Тем не менее до прихода Гитлера формально существовали философия, литература и право, преподавали свободно.

С приходом нацизма 30 января 1933 г. принципы школьного образования были радикально пересмотрены. Пропаганда нацистской идеологии считала, что «кто владеет молодёжью, тот владеет будущим». Вожди партии (Гитлер, Розенберг, Гиммлер) сразу повернули образование в пропагандистское русло. Главные изменения:

1. Идеологический отбор учителей. Уже в 1933-1935 гг. большое число учителей вступило в НСДАП (более трети учителей к 1935 г.). Учитель, будучи членом партии, должен был превыше знаний ставить национал-социалистические идеалы. В приказе от 1938 г. было прямо записано: «преподавание в духе прежней гуманистической идеологии» подлежит запрету как «абстрактное и антинародное». Иными словами, традиционная европейская «гуманистическая» школа (с акцентом на разносторонние знания и индивидуальность) оказалась объявлена врагом режима. Идеалом новой школы стали не «свободная личность», а образцовый солдат-фюрер (пусть даже мальчишка 12-16 лет).

2. Перепрофилирование учебной программы. Большинство предметов были сокращены, а на их место пришли гимнастика, физкультура, работа руками, военное дело. В школе не учат быть пацифистом или демократом, но убеждённым патриотом. Из школьной программы убрали дискуссии; вместо философии – платформа национал-социализма, вместо мировой литературы авторы, одобренные цензурой. К 1938 г. из многих предметов вырезано всё «непрактичное»: если школьник за школьной партией тратит годы на то, что он потом забудет во взрослой жизни, то это напрасная трата часов.

3. Молодёжные и партийные организации. Наряду со школьным образованием нацисты практически полностью монополизировали внеклассную жизнь детей. Уже в 1926 году была основана Гитлерюгенд (для мальчиков) и позже Союз немецких девушек (для девочек). С 1936 года в Гитлерюгенд должны были вступать все подростки. Эти организации проводили физподготовку, «патриотические» лагеря и дрессировку духа. К 1939 г. появлялся «Трудовой лагерь Рейха», где подростков заставляли участвовать в строительных или сельскохозяйственных проектах по привыканию к труду на благо Рейха. Формальное образование и партийные тетушки параллельно готовили новое поколение «добросовестных исполнителей» и «настоящих арийцев».

Таким образом, образовательная система стала частью тоталитарного механизма: здесь культивировалась готовность к войне, ненависть к «врагам народа» (коммунистам, евреям), а также идея «жертвенности ради общества». В этом контексте любая инакомыслящая мысль рассматривалась как опасная. Школа переставала быть местом формирования многосторонней личности – она готовила «арийских граждан».

Образованное немецкое общество 1930-х не было «глупым» – уровень грамотности и квалификации был рекордным. Тогда почему именно такие люди оказались готовы принять национал-социализм? Историки называют несколько причин:

1. Национальное унижение и экономический кризис. Победа Антанты в Первой мировой и жёсткий Версальский мир 1919 г. привели к чувству национального оскорбления. Репарации, инфляция 1923 и мировая экономическая депрессия 1929-1933 гг. обрушили средний класс. В атмосфере страха и безнадёжности обращение к радикальным идеям, обещавшим «возрождение германской мощи», оказалось понятным для многих.

2. Пропаганда и контроль информации. Вкусы интеллигенции подменялись ежедневной партией. СМИ тотально контролировались, альтернативных источников информации практически не было. После 1933 г. немцы меньше слышали разные точки зрения, что и описывала позднее Арендт: люди «отказываются слышать голос совести и смотреть в лицо действительности». Снижение качества образования, и формализм учебы (участие «в проектах», а не осознанное познание) лишь усилили ситуацию: глубокие размышления вытеснили полуавтоматическим закреплением догм.

3. Авторитарная педагогика. Даже до 1933 года преобладало представление о школе как иерархии учитель–ученик. Нацисты лишь радикально усилили этот тренд. Они подчеркивали властное начало, требовали подавлять инициативу детей и поощрять лишь безусловное послушание. Критическое мышление отодвигалось.

4. Гуманитарная интеллигенция и «банальность зла». Многие офицеры и чиновники Третьего рейха имели высшее образование – в архивах количества дипломированных учителей или врачей, становившихся соучастниками Холокоста, очень велики. Ханна Арендт после суда над Эйхманом писала, что страшнее всего оказалось осознать обычность таких людей. И хотя её идея «банальности зла» вызвала споры, она дала повод задуматься: причина зла – не в низком уровне образования, а в утрате способности к самостоятельному критическому суждению и ответственности.

В рамках воспитания здесь важно подчеркнуть: педагогика сыграла свою роль. Школа и внеучебная работа создавали атмосферу, где было нормой не задавать вопросов: образование само по себе не воспитание. Оно может формировать компетенции, но не обязательно – человека. Поэтому необходимо искать методы, которые развивают прежде всего человечность, а не знание самоцелью. Искусство обладает уникальным гуманистическим потенциалом, но само по себе оно не спасает. История пропагандистского искусства показывает: эстетика может служить и тирании. Главный вопрос: Какими педагогическими условиями этот потенциал раскрывается?

Одно из главных достоинств искусства – способность вызывать сочувствие и понимание другого. Просмотр фильма, чтение романа или даже анализ картины заставляет зрителя поставить себя на место героя или автора. Философы педагогики отмечают: через воображение и переживание чужих историй человек учится испытывать эмпатию – то есть чувствовать вместе с другими. Гуманистическое образование стремится именно к развитию этой эмпатийной стороны сознания. Как отмечает исследование, уже сейчас воспитательная эффективность эмпатии в искусстве демонстрирует огромный конкретно-практический гуманистический потенциал. Иными словами, искусство – это поле для тренировки душевного отклика: человек, переживая события на картине, внутренне воспитывает свою способность к состраданию.

Вторая сила искусства – открытость множеству смыслов. Тоталитаризм стремится к «одной истинной вере» и к простым бинарным ответам: свой–чужой, хороший–плохой. Художественное произведение почти всегда допускает разные толкования. Оно не диктует правила, а приглашает к диалогу. Анализируя картину или стихотворение, учащийся сталкивается с неоднозначностью: в этом конфликте рассказчик может быть не то «героем», не то «злодеем», и каждый интерпретатор вносит свою перспективу. Размышление о смысле полотна заставляет задавать вопросы: «Почему художник сделал так? Что символизирует этот образ?» – и искать обоснования.

Это сближает искусство с критическим мышлением.

Особую роль может играть современное искусство. Оно часто целенаправленно ломает стереотипы: шокирующие перформансы, неожиданные ассоциации, смешение жанров – всё это сталкивает зрителя с неочевидным. Современное искусство подталкивает к тому, что «мозг сопротивляется»: например, оно может намеренно быть «некрасивым», непонятным или «провокационным». Такая практика тренирует толерантность к новому и чужому: когда зритель привыкает допускать, что существование смысла нельзя фиксировать заранее, он становится психологически гибче.

Формулируя педагогическую гипотезу: готовность учеников к восприятию неопределённости – одна из основных целей уроков современного искусства. Это соответствует концепции, что демократия нуждается в гражданах, способных воспринимать сложность и амбивалентность.

Но следует подчеркнуть ограничение: искусство можно «испортить» идеологией так же, как и использовать. Пропагандистские плакаты Третьего рейха и СССР – это тоже искусство в технике рисунка, но их задача – усилить догму, а не развить личность. Поэтому важен нюанс: подлинный гуманистический эффект искусства реализуется только при педагогической рефлексии и отсутствием цензуры, которая так же, как и тоталитаризм, авторитаризм, милитаризм мешают процветанию общества.

Подводя итоги, можно сказать: искусство само по себе не делает человека гуманным, но помогает в развитии мышления, необходимого гуманизму. Искусство предоставляет материал, а педагог превращает его в образовательный опыт.

Список литературы:

1. Арендт Х. Эйхман в Иерусалиме: отчет о банальности зла. Нью-Йорк, 1963.
2. Дьюи Дж. Демократия и образование (англ. 1916); пер.: М.: Просвещение, 1989.
3. Изобразительное искусство как средство развития мышления. Сб. научных трудов. М.: МЦОП, 2018

